

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ —
ТАКАЯ ПЕЧАЛЬ...

* * *

Михаилу Стригину

О, я угадаю, наверно, не скоро,
Какими судьбами мы в небе носимы...
Высокие амфоры зноя морского
Везёт караван через душные зимы.

Сломать бы сургуч, приложиться губами
К шершавому горлышку с привкусом глины —
Но волны, что прежде несли и купали,
Беззвучно уходят в ночные долины,

И амфора, ахнув, ложится на камень
Тяжёлым, округлым коричневым боком —
И влажно блестит в полутьме черепками,
Как частыми звёздами в небе глубоком.

И жажда моя неутешна отныне,
И сколь ни мечтаю забыть — бесполезно,
Как ветер качает мосты навесные —
Пути караванов сквозь гулкие бездны.

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна родилась в Магнитогорске, окончила Литературный институт им. А. М. Горького, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. Бажова.

* * *

Четыреста лет монастырь стоял
И семьдесят лет — пустырь.
Камень стёрся до дыр и свет золотой остыл.
Храм восстановили, закрыли дверь на замок,
И с этого дня идущий мимо порою услышать мог:

Поют, Господи! Словно издалека,
Пыльцой прозрачной осыпаясь на облака,
Слёзной радугой озаряя глаза —
Высокие женские голоса.

Из-за узких окон и толстых стен
Слов и не разобрать совсем —
Только сам полёт молитвенных голосов,
Понятный без слов.

Подходили к порогу, тяжёлый ключ вставляли в замок,
Слушали: звучит ли хор неведомый, или смолк?
Тихо под сводами. На домотканых половиках
Серебрится прах.

Выходили. Лязгала дверь. Не поют — молчат.
В селе палили костры, лежал душливый чад,
Внизу в овраге молча журчал родник...
И не у кого было спросить о них.

Как принять на веру вечный небесный труд?
Дадут ли тебе на поруки поруганный этот сад?
Мимо проходишь: Господи, как же светло поют!
Дверь откроешь — пусто. Нет никого. Молчат.

Но прорезается в сердце лёгкий высокий звук
И прорастает к небу через живую ткань:
Сколько же здесь работать, не покладая рук,
Не раскрывая тайн...

* * *

Над теченьем илистым и мгlistым
Белый пар пронизан стрелолистом —
Натянулся звонкой тетивой
Берег под водою и травой.

И дрожит невыразимой мукой
Лёгкий воздух над крутой излучкой —
Словно бы смертельная струна
Из последних сил напряжена.

И, гремя пустыми колчанами,
Чёрный миг уже стоит за нами.
Только обернёшься — за спиной
Гул идёт небесный ледяной.

Страшно по степи ходить дозором,
Счёт забыв своим печальным зорям,
Чувствуя, как дышит пустота
Прямо от дорожного креста.

Тетива звенит невыносимо,
Чёрный перемешивая с синим,

Словно на разрыв и на излом
Пробуя небесный окоём.

Сколь прочна таинственная жила
И крепка излука, где из ила
Выйдя на дозорную версту,
Стрелолосты целят в высоту?

* * *

Была весна, из первых, неприкаянных,
Покуда незнакома, но светла,
Земля зазеленела на проталинах
И в воздухе над ними зацвела,

Как будто колокольчик вверх подбросили,
Высоким звоном сердце обожгли —
И из семян, раскиданных по осени,
Леса полупрозрачные взошли...

Но ступишь в их зелёную распутицу,
Где мята, зверобой и череда, —
Случится жизнь, и больше не забудется,
Как прежняя забылась навсегда.

Мне было пять. Небесною громадою
Стоял весенний день передо мной,
И мне казалось — я лечу и падаю
В какой-то золотисто-рыжий зной...

Светлела просыхающая улочка,
Чернел, освобождаясь, палисад...
И ни следа младенческого ужаса,
Бессмысленно зовущего назад.

Мне было пять. Над буквами и числами
Ещё довлели крепкие замки.
Но ясно было всё, чему учиться мне
И чем душе спастись от тоски.

* * *

Человек человеку — такая печаль
Неизбывная, Господи!
По лукавым речам, пересошим ручьям,
По мерцанию в голосе

Приближаемся к небу, где всё на просвет —
Даже горы и крепости.
Человек человеку... Печальнее нет
Сей невидимый крест нести.

Занимается сердце: боли, но вмещай
Всё, чем жили — да бросили...
Человек человеку такая печаль
Неизбежная, Господи!

Невозможная, Господи! Всюду темно —
А иду как с лампадою.
Что мне в этой пресветлой печали дано,
Коль иду, а не падаю?